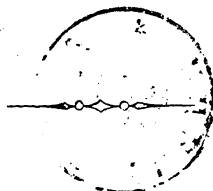

А 150
А 149
ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

СОВМѢСТНОЙ ЖИЗНИ
САРТЪ И РУССКИХЪ.

(Сообщеніе чл.-с. Запад.-Сиб. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. П. В. ПУТИЛОВА, читан-
ное въ засѣданіи Отдѣла 26 октября 1887 года).

ИЗДАНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ОМСКЪ.
Тип. Акм. Обл. Прав.
1887.

Печатано по распоряженію Западно-Сибирскаго Отдѣла
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ СОВМѢСТНОЙ ЖИЗНИ

САРТЪ И РУССКІИ ЖЪ.

(Сообщеніе чл.-с. Запад.-Сиб. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. П. В. ПУТИЛОВА, читанное въ засѣданіи Отдѣла 26 октября 1887 года).

Вступленіе. Одинаковая, почти вездѣ, одежда русскаго солдата, какъ и одинаковая вездѣ пища, не смотря на большое разнообразіе климатовъ во всей Россіи (иногда, напр. на сѣверѣ, даже не вполнѣ достаточная по количеству жировъ), не могутъ не служить, рядомъ съ прочими обстоятельствами, весьма вѣскими причинными моментами, поддерживающими болѣзненность и смертность русскаго арміи на высокой цифрѣ.

Пять лѣтъ тому назадъ, здѣсь въ Омскомъ госпиталѣ я натолкнулся на мысль, что грудныя заболѣванія въ войскахъ, наблюдаемыя преобладающе въ первые годы службы, зависать частью 1) отъ простуды въ теченіи перваго года службы, когда новобранцы, привыкшіе всю свою жизнь ходить по зимамъ въ теплой одеждѣ, вдругъ среди самаго холоднаго времени года (иногда даже въ январскіе морозы), переодѣваются изъ теплой крестьянской одежды въ холодную солдатскую, а частью 2) и вообще отъ, недостаточной у насъ въ Сибири по климату, одежды солдатъ и въ остальное время ихъ службы.

Дальнѣйшія наблюденія еще болѣе утвердили меня въ той мысли, что во внезапномъ зимнемъ переодѣваніи, какъ первомъ и сильно ослабляющемъ моментѣ, кроется причина многихъ заболѣваній, изъ году въ годъ и почти повсемѣстно у новобранцевъ наблюдающихся. Для подтвержденія сказаннаго цифровыми данными мною, съ разрѣшенія Его Высочайшаго Превосходительства, Командующаго войсками округа, въ настоящемъ году совершена была поѣздка отъ Тобольска до Ташкента (съ партіями новобранцевъ), гдѣ я въ большихъ попутныхъ городахъ за 5 послѣднихъ лѣтъ собиралъ данныя по скорбнымъ листамъ лечебныхъ учреждений и отчетамъ другихъ и, гдѣ есть, собиралъ метеорологическія данныя.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію председателя Западно-Сибирскаго Отдѣла И. О. Бобкова, снабдившаго меня письмами къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, я встрѣтилъ всюду самое любезное вниманіе и самую дѣятельную помощь при собираніи матеріаловъ по медицинской географіи, статистикѣ и этнографіи двухъ смежныхъ краевъ.

Матеріалъ получился на столько обширный, что, для обработки его, потребуется порядочное количество времени, котораго я еще пока не имѣю въ своемъ распоряженіи. Поэтому-то мое настоящее сообщеніе и не будетъ касаться главной задачи моего путешествія, а дастъ только мимолетныя замѣтки по разнымъ предметамъ, останавливающимъ на себѣ вниманіе врача-туриста.

Я кратко здѣсь останавлиюсь на жизни Туркестанскихъ городовъ преимущественно со сравнительной медико-этнографической, на сколько возможно, въ одно и тоже время, внѣшней и внутренней стороны.

Объ акклиматизаціонной способности русскихъ въ Турк. краѣ. Бывавшіе въ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, особенно въ первый разъ, поражаются мелькающей пестротой населенія, въ которой усматриваются два главныхъ типа: русскій и сартовскій,—на нихъ и придется остановиться. Русскій человѣкъ, какъ это бросается постороннему въ глаза, въ усиленной теплотѣ этихъ странъ разнѣживается, покрывается бѣлымъ запасомъ подкожнаго жира, увеличивается въ ростѣ и прочихъ размѣрахъ, словомъ въ массѣ, каковой

кажется напр. войско, представляет, особенно въ воображеніи сартъ, пмпонирующую красоту и непоколебимую силу. Въ самомъ дѣлѣ, можно залюбоваться на цвѣтуція лица и могучія груди и удивляться сильнымъ голосамъ Туркестанскихъ солдатъ, когда они идутъ съ пѣнями по улицамъ, богатымъ резонансомъ. Мѣстные офицеры рассказываютъ, что уже черезъ годъ молодые, находящіеся еще въ періодѣ роста скелета, Туркестанскіе солдаты значительно вырастаютъ изъ своихъ сюртуковъ, благодаря быстрому общему физическому усовершенствованію ихъ подъ вліяніемъ климата. Но это только одна часть русскаго населенія и одна сторона его — виѣшняя и условная. За ней скрывается внутренняя сторона, нѣсколько иного свойства, статистически свидѣтельствующая еще слабое мѣсто русской народности въ дѣлѣ акклиматизаціи. Статистика эта говоритъ, что значительная часть Туркестанскихъ новобранцевъ является въ край уже съ ослабленной организаціей. И въ самомъ дѣлѣ, преимущественно сѣверяне по происхожденію и преимущественно люди первыхъ трехъ годовъ службы составляютъ въ Туркестанскомъ краѣ преобладающій $\frac{0}{100}$ общаго числа уволенныхъ отъ службы и умершихъ по груднымъ заболѣваніямъ. Дѣйствительная и немаловажная причина этого явленія, уменьшающая акклиматизаціонную способность русской молодежи въ новомъ краю, должна корениться въ недостаточной одеждѣ Туркестанскихъ новобранцевъ на холодной ихъ родинѣ, во внезапномъ пріученіи къ холоду путемъ переодѣванія изъ привычныхъ шубъ въ изношенныя, старыя, прозрачныя шинели, иногда среди самыхъ сильныхъ зимнихъ холодовъ, — пріученіи, тѣмъ болѣе не достигающемъ цѣли, что вся послѣдующая служба ихъ должна пройти въ теплой и почти жаркой климатической полосѣ, совершенно непривычной для сѣверянъ.

Къ слабой сторонѣ акклиматизаціонной способности русскихъ въ Туркестанскомъ краѣ нужно отнести и громадную заболѣваемость солдатъ кишечными расстройствами, по сравненію съ туземцами.

Кромѣ военнаго сословія въ Туркестанскихъ городахъ есть еще довольно большое русское ремесленное, мѣщанское и

торговое населеніе, повидному, ни чѣмъ особеннымъ для посторонняго проѣзжаго наблюдателя не выдающееся.

Въ общей-же суммѣ всей жизни русскихъ въ этихъ краяхъ, однако, — одно общее, не ускользающее отъ вниманія, явленіе — недостаточная еще акклиматизація русскихъ съ физической стороны. Причина этой неполноты акклиматизаціи — сильный жаръ, чрезмѣрная яркость солнечнаго свѣта, не свойственная среднему русскому организму, исторически, въ массѣ поколѣній, воспитанному въ прохладныхъ и тѣнистыхъ равнинахъ, и, вѣроятно, недостаточная приуроченность къ климату въ пищевомъ режимѣ.

Акклиматизаціонная способность сартъ. Сарты, какъ коренное населеніе, представляютъ національность, вполне въ данныхъ мѣстностяхъ приспособившуюся. По строенію своему не отличающіеся особенной крѣпостью и физической силой, они въ своемъ родномъ климатѣ являются весьма выносливыми въ отношеніи климатическихъ рѣзкостей. Съ какимъ удобствомъ сартъ прячетъ свою, до-гола бритую, голову постоянно въ толстую чалму, ища въ ней прохлады, съ такимъ же онъ вполне обнажаетъ ее, при случаѣ, на самомъ яркомъ солнечномъ припежѣ. У русскихъ же нерѣдки головокруженія даже съ покрытой головой подъ вліяніемъ яркаго свѣта и гнетущаго зноя. Для русскаго очень тяжелъ безвѣтренный, стоячій зной, котораго дома у себя на Руси онъ почти никогда не испытывалъ. Сартъ не ищетъ тѣни съ такой жаждой, съ какой ищетъ ее русскій. Въ случаѣ чрезмѣрныхъ жаровъ рабочій сартъ разоблачается совершенно, оставаясь въ однихъ шароварахъ; русскій же рабочій до конца работаетъ въ одеждѣ, жалуясь на то, что пить у него въ этомъ климатѣ уже той силы, которую онъ проявлялъ у себя дома, что сила у него здѣсь выходитъ „потомъ.“

Существенныя ихъ орудія, способствовавшія акклиматизаціи. Чтобы приспособиться къ климату, конечно, не мало было для этого, опытомъ сартовскаго народа, употреблено много вѣковаго труда и, въ числѣ приспособительныхъ средствъ, оказались, на первомъ планѣ, конечно, простые и распространенныя орудія производства, сообразная одежда и

пища. Что касается одежды, то мы уже упомянули о важномъ значеніи толстаго головнаго убора сартъ и присоединимъ еще массивный поясъ, закрутывающій животъ подобно тому, какъ закрутываютъ его Турки и Болгары. Кто видалъ, какъ турокъ долго вертится стоя, навертывая на себя широкій, въ нѣсколько аршинъ длины, поясъ, тотъ даже удивится, на первый разъ, его величинѣ. (Мы знаемъ, что въ поясѣ и за поясомъ Турокъ и Болгаринъ прячутъ и деньги, и разное оружіе, и вещи). Болгарскій докторъ Стефановичъ этому большому поясу приписываетъ важное значеніе: отсутствію его у Болгарскихъ солдатъ приписываетъ усиленное заболѣваніе желудочно-кишечными расстройствами. Не придется-ли здѣсь искать нѣкотораго объясненія и для усиленной болѣзнености кишечника Туркестанскихъ солдатъ?

Что касается рабочихъ инструментовъ, то, хорошо устроенный, инструментъ берегаетъ физическую силу на болѣе долгое время, даетъ больше досуга и возстановляющаго отдыха и свободы для мозговой дѣятельности, а сообразная пища берегаетъ самое здоровье. Далѣе, хорошо устроенный, ручной инструментъ долженъ способствовать наибольшему мышечному усовершенствованію. Таковыми, во многихъ отношеніяхъ, являются топоръ и лопата сарта, устроенные по одному типу „кетменя“, т.-е. длиннаго рычага съ, перпендикулярнымъ къ нему, кускомъ заостреннаго желѣза. Длина рычага, дающая большой размахъ, даетъ наибольшій результатъ и требуетъ наименьшей частоты ударовъ, а наибольшее примѣненіе при этомъ разнородныхъ мышечныхъ группъ ведетъ къ наибольшему развитію груди, которая дѣйствуетъ при этомъ совершенно свободно.

Инструменты этого типа особенно сослужили службу сартамъ въ борьбѣ съ каменистой почвой, передъ которой нашъ заступъ и сила его удара оказались-бы ничтожны. Въ силу этого же умозаключенія и въ войскахъ Туркестанскаго края введены, какъ говорили мнѣ, по этому-же типу, инструменты для саперовъ. И удивительно-ли, что у нашего плотника, работающаго своимъ русскимъ топорикомъ, сослужившимъ когда-то незамѣнимую службу въ исторической

борьбѣ съ первобытными лѣсамъ, выходить на жарѣ Средней Азіи вся сила „потомъ“ и что сартъ своимъ длиннымъ топоромъ размахиваетъ тихо и вяло, но весьма скоро и долго и, видимо, неустаетъ?! Сюда еще нужно присоединить и то, что, при земляныхъ работахъ нашимъ русскимъ заступомъ, грудная кѣтка вовсе такъ не расширяется, а, напротивъ, отъ упора заступа въ области нижняго конца грудины, она сдавливается, что мѣшаетъ правильному акту дыханія. Этого ничего нѣтъ при работѣ кетменемъ. Словомъ, работа сартовскими топоромъ и лопатой является производительнѣе, чѣмъ русскими соотвѣтствующими орудіями. Я долженъ сказать еще, что „кетмень“ явился великимъ приспособленіемъ арычной системы орошенія и, такимъ образомъ, двигателемъ степнаго земледѣлія.

Результатъ. Въ концѣ концовъ одно сбереженіе силъ, при помощи инструментовъ, повело къ другому сбереженію силъ и средствъ и т. д., а это и поставило сартъ, конечно въ связи еще съ питательнымъ приноброденіемъ и приноброденіемъ въ одеждѣ, на высоту приспособленія къ природѣ своей родины, въ результатъ чего они явились хозяевами страны въ дѣйствительномъ смыслѣ акклиматизаціи, выработавъ себѣ спокойный и веселый нравъ, образцовое трудолюбіе и умѣренность потребностей, дающую возможность сильной заработной конкуренціи. Сохраняя физическое благосостояніе, при всѣхъ лишенияхъ суровой, почти первобытной, жизни, они обнаруживаютъ извѣстное индустріальное превосходство, выражающееся въ замѣчательной смѣтливости, сноровкѣ, практичности и даже изобрѣтательности. Это даетъ имъ право говорить, что они киргизъ многому выучили въ свое время, когда киргизы были совсѣмъ въ дикомъ состояніи, выучили ихъ даже защищаться, дали имъ лучшее оружіе.

Общій характеръ сартъ. О благопріятномъ вліяніи въ жизни сартъ пищевого приспособленія, а также приспособленія въ одеждѣ мы будемъ говорить вскорѣ. А теперь продолжимъ объ общемъ впечатлѣніи, производимомъ этимъ народомъ. Они имѣютъ много общаго съ Турками, какъ въ наружности, такъ и въ одеждѣ, въ любви къ природѣ, напр. къ садоводству и цвѣтоводству, съ той разницей, что Тур-

ки народъ болѣ сдержанный, флегматичный, болѣ гордый и спокойный, но и болѣ честный въ разныхъ сдѣлкахъ и торговлѣ. Сарты-же представляются довольно живы, болтливы, довольно легкомысленны, весьма изворотливы и съ порядочной наклонностью надуть въ торговлѣ и разныхъ другихъ дѣлахъ. Въ привычкахъ своихъ къ верховой ѣздѣ они рѣзко разнятся отъ Турокъ и примыкаютъ къ своимъ сосѣдямъ и сожителямъ — киргизамъ.

Пищевое климатическое приспособленіе сартъ и русскихъ. Теперь перейдемъ къ вопросу о пищѣ сартъ рядомъ съ пищей тамошнихъ русскихъ. Пища сартъ преимущественно растительная и очень умѣренная, — то мучнистыя лепешки, то фрукты. Пища сартъ изобилуетъ приносами, въ родѣ перца и т. д. Хотя и явилась недавно одна медицинская кабинетная работа, не особенно одобряющая приности*), но она произведена отчасти на животныхъ, а отчасти не приняты во вниманіе климатическія особенности въ дѣлѣ питанія и, поэтому, все-таки еще въ силѣ остается мнѣніе, составляющее плодъ обычныхъ наблюденій надъ людьми. И это тѣмъ болѣе, что самъ авторъ неоднократно ссылается на свою неполноту и желаетъ новыхъ изслѣдованій по тому же предмету. А наблюденія говорятъ, что перцу надо отдать справедливость, что, въ обыкновенномъ даже нашемъ климатѣ, люди съ вялымъ пищевареніемъ инстинктивно прибѣгаютъ къ острымъ вкусовымъ веществамъ: горчицѣ, перцу и проч. Врачи, въ минувшую войну въ Болгаріи и Румыніи, вынесли убѣжденіе, что въ жаркой полосѣ перецъ въ изобиліи является задерживателемъ кишечныхъ катарральныхъ броженій. Для насъ, русскихъ, во время пребыванія тамъ, красный перецъ въ изобиліи очень казался пріятнымъ, а когда мы вернулись на родину, то перцовыя блюда намъ стали противны. Можно думать, что приности въ пищѣ сартъ въ извѣстной степени дѣйствуютъ въ пищеварительномъ каналѣ противугнилостно, увеличивая выдѣленіе желчи, какъ намекаетъ экспериментальная работа д-ра Чельцова (Еженед. клиничес. газета 1886 г. №№ 16, 17 и 18).

*) „Матеріалы къ діететикѣ остр. вкусовыхъ св.“ дисс. Буржинскаго 1887 года.

По климату Болгарія и Туркестанскій край очень сходны. Пища сартъ преимущественно растительная и очень умѣренная: то мучныя лепешки, то разные фрукты въ изобиліи и немного мяса. Обычное питаніе Болгаръ, выработанное климатически, выражается въ ихъ поговоркѣ: „малко мѣса, больше ляба и много вина“. И поэтому трудно было болгарскимъ дружинникамъ ѣсть лѣтомъ, введенную русскими 1) непривычную, а 2) жирную мясную пищу съ гречневой жирной кашей. Какія гримасы дѣлали „братушки“ отъ запаха жирныхъ щей и въ какомъ безсиліи иногда опускались руки, протянутыя къ этой пищѣ! А потомъ скорѣ начали раздаваться у нихъ жалобы на кишечныя разстройства.

Извѣстно, что мы также, живя даже въ сѣверномъ климатѣ, лѣтомъ ѣдимъ мясного и жирнаго, по необходимости, гораздо меньше, чѣмъ въ холодныя времена года, и что гораздо скорѣ въ лѣтнее время платимся за неосторожность—въ видѣ пресыщенія очень питательной, мясной и жирной пищей, вѣроятно, въ зависимости отъ наибольшаго броженія въ кишечникѣ въ жаркое время. Извѣстно, что жители холодныхъ странъ сѣдаютъ много мяса и жира, даже безнаказанно пьютъ жиръ (эскимосы и др.).

Все это параллельно упоминается мною по столыку, по скольку несомнѣнно убѣждаетъ въ климатическомъ особенномъ пищевомъ приспособленіи, которому обязательно придавать значеніе во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій. Что касается преобладающей части русскаго населенія Туркестанскаго края, именно солдатъ, то изобильная мясная пища ихъ, лѣтомъ, по случаю лагернаго времени, снабжается еще большимъ обиліемъ мяса и жировъ. Естественно думать, что для жаркой полосы такая пища, одинаково пригодная и для холоднаго сѣвера, и для зимняго сезона, въ полномъ ея составѣ, можетъ вести къ нѣкоторому обремененію.*) И дѣйствительно, сравненіе двухъ питаній приводитъ насъ къ сравненію двухъ результатныхъ явленій: Сарты почти не болѣютъ поносомъ—даже у нихъ скорѣ быва-

*) Подмѣченный фактъ объ увеличеніи птомапновъ въ жаркое время въ мясѣ слѣдуетъ тоже принять къ свѣдѣнію.

ють запоры, русскіе же Туркестанскіе солдаты представляють огромную болѣзненность въ видѣ поносовъ особенно лѣтомъ, что, едва-ли не по ошибкѣ, приписывается другимъ влияніямъ, напр. мiasmатическимъ и влиянію зелени—вліяніямъ, подѣ которыми живутъ и сарты, истребляющіе безнаказанно массу фруктовъ и пьющіе нечистую арычную воду.

Возбуждающія и одуряющія вещества сартъ и русскихъ. Теперь, по естественному порядку, отъ пищи перейдемъ къ употребленію различныхъ одуряющихъ веществъ. Самый лучший народъ можетъ немало утратить своихъ достоинствъ въ зависимости отъ привычекъ къ тѣмъ или другимъ одуряющимъ веществамъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи, сарты оказались съ немалой и, вѣроятно, давнишнею склонностью. На сколько въ Семирѣченской области замѣтно секретное проникновеніе изъ Китая опія между киргизъ напр. ямщиковъ (что касается ямщиковъ—биргизовъ, то приходилось встрѣчать опьянѣлыхъ, полусонныхъ, едва двигающихся, языкомъ опіофаговъ)—на столько, и еще болѣе откровенно, въ городахъ Туркестанскаго края, на базарахъ, въ открытыхъ лавкахъ слышится изъ курильных приборовъ, переходящихъ изъ рукъ въ руки, запахъ *нашъ-гашиша* — (при нѣкоторомъ сосредоточеніи вниманія прохожихъ русскихъ приборы эти, замѣтно, отставляются подальше.)— О распространеніи гашиша видѣть можно въ одномъ изъ недавнихъ отчетовъ Ташкентскаго военнаго госпиталя, гдѣ одинъ врачъ перечисляетъ рядъ сортовъ гашиша, употребляемыхъ въ народѣ. Сюда должно отнести еще разныя сладкія лепешки и конфекты съ гашишемъ. Разумѣется весьма бы интересно, зная очень дурныя послѣдствія отъ гашиша, остающіяся въ психической сферѣ потребляющихъ, — имѣть свѣдѣнія, какъ численно выражается количество психопатовъ преимущественно отъ куренія гашиша. Но здѣсь мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній вѣроятно по тому, что душевно-больные считаются у сартовъ за матеріаль непрікосновенный, за лицъ святыхъ, „Дувана“ — юродивый, да кромѣ того, прибавимъ, что дѣло народной сартовской медицины крѣпко держать въ рукахъ ихъ знахари, называю-

щіея „сартовскими докторами“. А отъ нихъ ничего не узнаешь. Въ русскихъ-же больницахъ психиковъ сартовъ почти нѣтъ, потому что и вообще еще сарты только начинаютъ знакомиться съ русскимъ леченіемъ.

Другое наркотическое средство—табакъ подъ именемъ „насвай“, особенно любимый киргизами, примѣняется и у сартовъ. Его кладутъ, въ молотомъ видѣ, за щеку и, по видимому, потомъ проглатываютъ. Такое примѣненіе опьяняетъ на нѣсколько минутъ. (Говорятъ, что и тутъ иногда не безъ примѣси опія, особенно у киргизъ). Кромѣ того, этотъ-же „насвай“ вводится иногда въ составъ лакомствъ въ родѣ „халвы“, обнаруживающей, поэтому, слабительное дѣйствіе. Что касается табачнаго производства на мѣстѣ, то ко всей массѣ, написанной въ послѣднее время о вредѣ куренія, могу присоединить свои личныя наблюденія: Вѣрненскій и Ташкентскій табакъ у нѣкоторыхъ непривычныхъ вызываетъ остановку дыханія и замедленіе и неправильность сердцебіенія и бессоницу. Не дѣйствуетъ-ли онъ также и на туземцевъ?

По скольку туземныя наркотическія средства проникаютъ и къ рускому населенію, судить трудно, но я слыхалъ объ отдѣльныхъ случаяхъ привычнаго уже употребленія опія и гашиша у нѣкоторыхъ солдатъ. Что касается обратнаго воздѣйствія русскихъ одуряющихъ средствъ, то въ Ташкентѣ между сартами, какъ и въ степи по станціямъ, между киргизами, къ сожалѣнію, спиртные кабачные напитки начинаютъ уже замѣтно производить свое вредное дѣйствіе. Сарты не только пьютъ, но даже начинаютъ пьянствовать съ увлеченіемъ новичковъ, что тѣмъ болѣе печально, что они, согласно корану, пьютъ не вино, запрещенное имъ, а водку, о которой въ коранѣ ничего не сказано. Масса пьяныхъ сартъ, народа вообще обычно весьма трезваго и воздержнаго, гуляла по улицамъ въ народный праздникъ въ Ташкентѣ, праздновавшійся съ окончаніемъ лѣтняго поста. Но къ характеристикѣ нравовъ я долженъ упомянуть и объ особенномъ трогательномъ участіи къ подкутившимъ забіякамъ со стороны остальныхъ трезвыхъ сартъ, которые ихъ оберегали и водили подъ руки. Бурныхъ и безобразныхъ

еще съ столкновенья съ уличными бюстителями. порядка, невидно было, вѣроятно потому, что въ Ташкентѣ преимущественно своя туземная полиція.

Но посмотримъ, нѣтъ-ли въ мѣстной производительно-сти Туркестанскаго края явленій, смягчающихъ вкусъ потребителя, облагораживающихъ его наклонности къ возбуждающимъ и одуряющимъ веществамъ? Къ числу этихъ явленій можно-бы отнести, замѣтно возрастающее, потребление винограднаго вина и расширеніе разведенія винограда. На самомъ дѣлѣ здѣсь виноградныя вина должны сдѣлаться господствующимъ напиткомъ. Въ Чемкентѣ, напр., содержатель единственнаго виннаго погреба не знаетъ, кому сбыть разные російскіе хересы и мадеры, вишневки и кіевскія наливки (мадеру отдаетъ за 80 к. бутылку, чтобы только сбыть товаръ), потому что начинаетъ преобладать спросъ на туземныя вина, въ числѣ которыхъ лучшія Филатовскія Самаркандскіе садовъ. Только одна наша „очищенная“ подъ различными наименованіями: „Столовой“, „Славянской“, „Плевны“ и проч. не падаетъ въ спросъ, не смотря ни на какія климатическія и бытовыя условія. Но это-то самое и указываетъ на привычку нашихъ потребителей къ крѣпкимъ спиртнымъ издѣліямъ. И вотъ, вѣроятно, изъ угожденія такому вкусу публики, туземное виноградное вино замѣтно сдобривается спиртомъ. Стаканъ болгарскаго, венгерскаго, астраханскаго или крымскаго вина пьется съ удовольствіемъ и дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ, стаканъ-же Ташкентскаго (Самаркандскія вина меньше сдобрены) положительно одуряетъ и вкусомъ напоминаетъ водочное издѣліе. Говорятъ, что будто бы наши заводчики не умѣютъ иначе сохранять винограднаго вина отъ записанія въ столь жаркомъ климатѣ. Такимъ образомъ я вынесъ убѣжденіе, что виноградныя вина Туркестанскаго края, по ихъ различной крѣпости, преимущественно разнятся благодаря $\frac{0}{0}$ -мъ спирта, приводящаго извнѣ, чѣмъ они иногда и уподобляются, по жгучему, царапающему или сильно вяжущему и вертящему вкусу, разнымъ наливкамъ. И если мы слышимъ похвалы, то эти похвалы нужно относить только къ сортамъ, наиболѣе пощаженнымъ отъ посторонней прибавки спирта,

попадающимъ на столы избранныхъ, или на выставки. Я долженъ сказать, что Филатовскія вина оказывались болѣе близкими къ истинѣ и, относительно ихъ, мною замѣчено очень благотворное вліяніе на свѣже-заболѣвшихъ слабымъ разстройствомъ пищева. Достаточно было давать такимъ больнымъ только чай съ виномъ—и выздоровленіе наступало быстро. Такое леченіе, конечно, является весьма удобнымъ въ походѣ и быстрымъ по сравненію съ нашимъ обычнымъ.

Разсмотрѣвъ кратко жизне-понижающія вліянія въ видѣ употребленія тѣхъ или другихъ одуряющихъ веществъ, я долженъ сказать, что этимъ еще неисчерпываются токсикологическія условія, въ которыхъ стоитъ населеніе данной мѣстности. Возьмемъ народную медицину, остановившуюся на временахъ арабской, индѣйской и китайской, съ массой неизвѣстныхъ, лишнихъ, темныхъ и прямо вредныхъ средствъ, распродаваемыхъ въ открытую. Однихъ стрихнинныхъ сѣмянъ, или челибухи побѣдается немалое количество. Д—ръ Батаршинъ говорилъ мнѣ о недавнемъ случаѣ отравленія челибухой съ наступленіемъ общихъ судорогъ у ребенка.

Aphrodisiaca. Есть вѣроятіе, что челибуха употребляется нерѣдко, какъ *aphrodisiacum* слабыми и стариками. Фармакологи (Нотнагель) говорятъ, что нѣкоторыми подмѣчено благоприятное, тонизирующее дѣйствіе стрихнина при *prolapsus ani*, *incont. urinae* и другихъ параличныхъ явленіяхъ. Можно думать, что онъ тонизирующе нѣсколько дѣйствуетъ на *musculi ischiocavernosi*, играющіе не маловажную роль въ генитальной жизни. Въ Ташкентскомъ госпиталѣ недавно лежалъ сартъ, отравившійся шпанскими мухами, которыхъ онъ чуть-ли не ежедневно принималъ, и только однажды поусердствовалъ, и потому сильно заболѣлъ и попалъ на койку. Наливкинъ въ своей книгѣ „Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы“ говоритъ о частомъ употребленіи сартами внутрь шпанскихъ мухъ (или, какъ они называютъ, „шампанской мохъ“) въ видѣ *aphrodisiaca*. Масса пряностей и разнообразныхъ національных кондитерскихъ издѣлій съ ними тоже, вѣроятно, расчитаны на нѣкоторыя вліянія, хотя сомнительныя.

Причины ихъ распространенности. Чѣмъ объяснить замѣченное изобиліе средствъ, слывущихъ обыкновенно за aphrodisiaca и укрѣпляющія? Задавая себѣ такой вопросъ, мы уже прямо входимъ, такъ сказать, въ область моральной патологии сартовскаго народа. Чѣмъ же объяснить сказанное изобиліе? Во 1-хъ) отсталостью медицинскихъ понятій даннаго народа, а во 2-хъ) дѣйствительной, вѣроятно, частотой ослабленія, вызывающей помыслы о такихъ средствахъ. Причина этихъ ослабленій, вѣроятно, лежитъ въ хроническомъ злоупотребленіи опиѣмъ и гашишемъ.

Послѣдствія опиѣ и гашиша. Извѣстно, что непосредственное вліяніе гашиша на людей Востока выражается въ возбужденіи эротической фантазіи, зачѣмъ и должно послѣдовать, при долгомъ употребленіи гашиша, уже совершенно обратное, какъ и у алкоголиковъ. Но злоупотребленіе опиѣмъ и гашишемъ имѣетъ еще и другую сторону. Оно, путемъ психопатическаго мозговаго вырожденія, можетъ иногда вести къ древнему пороку Вааль-Θегора, прославившему Калигулу, Геліогабала, Нерона и Адриана, за который римскаго Цезаря прозвали, какъ *omnium mulierum virum et omnium virorum mulierem*, о которомъ Корнелій Непотъ говоритъ, что „*laudi in Graecia dicuntur adolescentulis multos habere amatores*“, и который отъ древнихъ персовъ перешелъ и въ разсматриваемую нами мѣстность, гдѣ откровенно „батчѣ“ сопровождаютъ сѣдыхъ и почтенныхъ на видъ аксакаловъ и танцуютъ на ихъ пирушкахъ.

Цѣлый *circulus vitiosus* явленій жизни сартовскаго народа, вѣроятно, связанъ съ вышесказанной аномаліей, причины которой также лежатъ иногда въ болѣзняхъ психическихъ, наслѣдственныхъ, или свойственныхъ старческому возрасту, а иногда и въ другой, предшествующей ослабляющей аномаліи, знакомой закрытымъ заведеніямъ; да, кромѣ того, въ продолжительномъ безбрачій, благодаря бѣдности, въ изоляціи половъ другъ-отъ-друга, даже въ унижительномъ восточномъ мусульманскомъ взглядѣ на женщину, какъ на рабу, или низшее животное, въ угнетенномъ и загнанномъ ея положеніи.

Общественное положеніе сартянокъ по сравненію съ другими мусульманскими женщинами. Я коснулся выше за-

гнаннаго положенія сартовской женщины. Сартъ и физически и морально очень напоминаетъ турка. А у турокъ всякій мальчишка можетъ закричать на свою мать, потребовать, чтобъ она закрыла лицо отъ гяура, или чужаго. И сарты хвастаютъ, какъ высшимъ проявленіемъ своей условной нравственности, тѣмъ, что у нихъ „два друга — сосѣда, если живутъ рядомъ хоть 60 лѣтъ, тѣмъ не менѣе и въ такой громадный промежутокъ времени, никто изъ нихъ никогда не видить лица жены своего сосѣда. Вотъ какъ у насъ!“ вызывающе — торжественно однажды закончилъ свою рѣчь одинъ бывалый сартъ, бросая мусульманскую тѣнь на нашъ семейный строй. Несчастная сартянка рѣдко показывается на улицѣ и то подъ толстой черной занавѣской „чимбетъ“ (какъ персiянка) изъ того же матеріала, изъ котораго приготовляются волосяныя сита. И только, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ, солнце скроется, вечеромъ она иногда выглядываетъ за ворота, и то крайне боязливо, въ полуотворенную калитку. Днемъ она также иногда сидитъ на заборѣ, какъ турчанка на замкѣ, которымъ запираетъ ее мужъ. Мусульманская идея изоляціи и укрыванія женщины отъ посторонняго взора нашла себѣ конечно еще большую пищу съ приходомъ русскихъ, по преимуществу холостыхъ людей. Когда я говорилъ одному сарту, что не годится даръ божій, — женскую красоту, прятать отъ людей, онъ понялъ совершенно по — своему и саркастически замѣтилъ: „а такъ вы вотъ чего хотите! Вотъ что вамъ не нравится!“... — Все это напоминаетъ нашу Домостроевскую мораль XVI вѣка, когда боярыни наши вели такую же затворническую жизнь въ теремахъ подъ такой же тяжелой ферулой. Памятью слова „теремъ“ осталось только современное слово „тюрьма.“ Нравы того времени отразились потомъ даже въ воззрѣніяхъ нашихъ бабушекъ, боявшихся грамотности, какъ разврата, которыя еще въ романахъ 20-хъ годовъ изъ-подъ многовѣковаго гнета выходили путемъ цѣлаго ряда увлеченій, ошибокъ, частыхъ нарушеній супружеской вѣрности, бѣгствъ съ похищеніями и т. д. Эту же школу, съ ея градаціями, предстоитъ пройти и мусульманской женщинѣ, только, вѣроятно, еще съ большимъ трудомъ.

Какъ бы ни была велика строгость установленій, изъ нея всегда существуетъ тотъ или другой выходъ, хотя бы и аномальный на первый разъ. Такъ случилось и съ теремнымъ заключеніемъ женщины. Что касается мусульманства, то нужно удивляться, что случилось то, чего Магометъ ни какъ не предвидѣлъ. Изъ турецкаго быта, мы знаемъ, напримѣръ, что когда на женскую половину дома приходятъ гости, то мужъ абсолютно туда не имѣетъ права входа, сколько бы тамъ гостей ни было, сколько бы они тамъ ни оставались. Женская половина тогда не доступна для глаза мужа, брата, сына и прочихъ мужчинъ. Существуютъ цѣлые цехи свахъ, торговекъ, знахарокъ, цирюльницъ, продавщицъ косметики и прочаго товара, которыя, подъ женской одеждой, вводятъ иногда таинственныхъ незнакомцевъ.

Какъ бы то ни было, мусульманки у разныхъ народовъ все таки поставлены болѣе или менѣе различно въ семейномъ быту. Татарка, киргизка и турчанка болѣе хозяйки дома, чѣмъ сартянки. Татарки и киргизки пользуются большой свободой: первыя прикрываются только слегка и то, когда проходить мимо мужчинъ, киргизки никогда не закрываются. Онѣ даже слишкомъ свободно смотрятъ на свои семейныя отношенія... Сартовская семья совершенно раздѣлена на двѣ части, такъ сказать, расколота: мужчины все время проводятъ на улицѣ, гдѣ и готовятъ сами себѣ пищу, гдѣ иногда и спать въ своихъ лавкахъ и мастерскихъ, женщины все время проводятъ у себя дома. Женщины готовятъ для себя дома отдѣльно, и даже бываетъ такъ иногда, что мужъ даетъ ей съ семьей какой-нибудь пустякъ на пропитаніе, а иногда и вовсе оставляетъ на произволь: пусть сами питаются, какъ хотятъ. Это весьма отражается на питаніи женщины, какъ видно изъ медицинскаго отчета.

Совершаетъ-ли какой-нибудь историческій выходъ сартовская женщина изъ своего аномальнаго положенія? Совершаетъ, но только, такъ сказать, въ области патологической. Во 1-хъ, на пути освобожденія изъ-подъ гнета экономическаго и семейнаго мы видимъ ее въ протестующемъ, печальномъ образѣ падшей. Особенно униженное по-

ложеіе сартянокъ сказывается и здѣсь. Такъ, напримѣръ, въ захолустныхъ улицахъ окраинъ Ташкента есть Персы и Сарты (бывшіе, освобожденные, Бухарскіе невольники), у которыхъ по нѣскольку женъ, и всѣ онѣ имъ служатъ, какъ коммерческій матеріалъ. Поскольку подобный ненормальный исходъ изъ семейнаго быта, вносящій размноженіе болѣзней, разобщить еще болѣе сартовскую семью, — мы увидимъ въ будущемъ.

Благотворное вліяніе женщинъ-врачей на быть сартянокъ. Но сартянки въ то же время уже сдѣлали болѣе нормальный шагъ, благодаря появленію женщинъ-врачей, умноженія которыхъ въ этихъ мѣстностяхъ крайне нужно желать и содѣйствовать ему, какъ условію окончательно покоряющему и умиряющему край. Нигдѣ такъ не нужна женщина-врачъ, какъ въ мусульманскомъ мірѣ. Благодаря ей, сартовская женщина вышла уже отчасти изъ затворничества и, вмѣсто потаеннаго, вреднаго знахарства, начинаетъ пользоваться раціональнымъ леченіемъ. Для жаждущихъ вернуть нашу женщину къ гаремному прошлому здѣсь мы видимъ поучительную картину въ отношеніяхъ между двумя женщинами: свободной и образованной русской и жалкой рабой—сартянкой. Вторая отъ первой уже усвоила уваженіе къ русской врачебной наукѣ: она въ изобиліи обращается къ ея алтарю. И въ этомъ отношеніи нужда заставила ее стать сразу выше своего господина, который получая лѣкарство, сейчасъ же иногда выливаетъ его за аптечной дверью, чтобъ воспользоваться только бутылочкой: класть въ нее свой „насвай“.

Это носитъ печать наивности, напоминающую мнѣ одинъ случай, гдѣ, во время моего студенчества, одинъ казанскій мужичекъ, русскій, съѣлъ рецептъ профессора, какъ лѣкарство, и, объявивъ суровому профессору Судковскому, что лекарство не помогаетъ, привелъ даже его въ веселое настроеніе. Наивно иногда смотрятъ лечащіеся и излечивающіеся сартянки на свои отношенія къ женщинамъ-врачамъ: они просятъ „селау“ (подарокъ) за то, что ходили лечиться (стати сказать, этотъ „селау“, однако, и въ Омскѣ недавно еще прекратился: наши родильницы въ казачьемъ ро-

дильномъ покоѣ еще недавно просили по 2—3 рубля вознагражденія за то, что приходили родить въ родильный покой госпиталя).

Факты изъ воспитанія сартовскихъ дѣтей. Для полноты разсмотрѣнія отъ женщины сартянки, какъ матери, естественно перейти къ ея потомству, къ дѣтямъ. Нѣкоторые свѣдѣнія изъ ихъ воспитанія я получилъ изъ отчетовъ врачей Пославской и Варшавской. Не маловажнымъ факторомъ въ здоровьи самаго перваго возраста является дѣтская кроватка. Я видѣлъ ее однажды. Она есть въ тоже время и люлька. Г-жа Пославская описываетъ ее такъ: кроватка эта немного больше аршина длины и $\frac{1}{2}$ аршина ширины, деревянная, плоская, съ вырѣзаннымъ четырехугольникомъ посрединѣ, не много ближе къ ножному концу, укрѣплена на выпуклыхъ подножкахъ, на которыхъ качается, какъ люлька, съ боку-на-бокъ. Ребенка съ вытянутыми членами припеленываютъ къ этой кроваткѣ на тоненькой подстилкѣ, широкими бинтами, помѣщая между бедрами камышинку для стока жидкостей. Малютка находится въ такомъ неподвижномъ положеніи привязанной чурбашки и безъ перемѣны по-долгу; часто даже мать кормитъ его грудью, наклонившись къ нему и не развязывая и не вынимая изъ кроватки. Такое устройство дѣтской кроватки служитъ часто причиной пролежней у дѣтей. При невниманіи матери деревянные края отверстія кроватки давятъ на спинку, на крестецъ, вызывая сначала только красноту, а затѣмъ и омертвѣніе на ягодицахъ, у гарне, какъ на мѣстахъ наибольшаго сдавленія. Вложенная камышевая палочка тоже этому помогаетъ. Подъ вліяніемъ этихъ условій, омертвѣніе иногда доходитъ до кости и совершенно обнажаетъ позвонки. Въ одномъ случаѣ отъ давленія и качательныхъ толчковъ на затылкѣ ребенка образовался нарывъ, затѣмъ тоже перешедшій въ омертвѣніе, при чемъ омертвѣлъ небольшой участокъ затылочнаго бугра. Непосредственной причиной было продолжительное однообразное лежаніе и качаніе ребенка въ жесткой кроваткѣ. Вещь извѣстная, что кроватки эти своимъ сотрясеніемъ и качаніемъ весьма безразличны для слабаго и впечатлительнаго дѣтскаго мозга. А кро-

мѣ того кровати эти твердостью и давленіемъ обусловливаютъ, какъ думаетъ и Наливкинъ, плоскую форму затылка и вообще, довольно перѣдкую, неправильность головы сартъ.

Сказанныя кровати пользуются большой симпатіей населенія: онѣ всегда раскрашены разнообразно, увѣшаны побрякушками и, вѣроятно, всѣ дурныя послѣдствія ихъ вліянія относятся къ дурному глазу.

Сравненіе сартовской дѣтской кровати съ другими подобными приспособленіями русскихъ инородцевъ. Сартовскія дѣтскія кровати напоминаютъ мнѣ, по своему первобытному неудобству, съ одной стороны полныя берестинныя кузовья, въ которыхъ наши остяжки таскаютъ своихъ дѣтей, а съ другой стороны черемисскій способъ пеленанія ребенка тоже съ вытянутыми руками въ одну и ту же большую тряпицу на цѣлый день, въ теченіи котораго матери совершаютъ весьма частое кормленіе, даже не обращая вниманія на то, что обоняніе и слухъ давно требуютъ очищенія ребенка. Накопившееся за день, содержимое тряпицы наконецъ вечеромъ выбрасывается вмѣстѣ съ нею въ освободившійся котелъ съ горячей водой, гдѣ моется и высушивается къ утру. Измученные члены ребенка только теперь расправляются и сто обмываютъ въ корытцѣ и запеленываютъ опять до будущаго вечера, а котелъ съ утра уже опять играетъ роль для варенія пищи!...

Отроческій возрастъ сартъ и его особенная болѣзненность. Въ послѣдующемъ, такъ сказать, уличномъ дѣтскомъ возрастѣ сартовскія дѣти больше проводятъ время въ своей уличной компаніи, или около отцовъ. Имъ, конечно, не нравится оставаться въ заперти дома, въ обществѣ женщинъ, слѣдовательно, они воспитываются въ отроческомъ періодѣ, по преимуществу, внѣ благотворнаго материнскаго вліянія. Въ силу исключительной уличной жизни, преобладающія болѣзни этого возраста суть болѣзни глазъ: въ концѣ лѣта и въ началѣ осени у дѣтей развиваются обширныя катарры и нагноенія внутреннихъ поверхностей вѣкъ, частью 1) вслѣдствіе дыма отъ „кунджутнаго“ масла—въ родѣ коноплянаго, любимаго у сартъ, готовящихъ себѣ пищу на улицахъ и площадяхъ. Этотъ дымъ, особенно къ вечеру, у не-

привычныхъ положительно щиплетъ глаза, пронизывая уличный воздухъ; 2) глазные катарры дѣтей развиваются отъ особенной игры въ пыль, что констатировано и отчетами женщинъ-врачей: дѣти толпой идутъ другъ на друга и бросаютъ противникамъ пыль въ глаза. Игра, безъ сомнѣнія, вредная, но любимая и національная, и у сартъ существуетъ странное мнѣніе, что эта пыль цѣлебна для глазъ.

Недостатокъ комфорта въ жилищахъ и обуви сартъ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о комфортѣ въ жилищахъ сартъ. У нихъ недостаетъ самаго существеннаго для холоднаго времени, именно устройства печей. Такимъ образомъ зимой ихъ жилища—плохой пріютъ и они зябнутъ въ это время едва-ли не больше, чѣмъ кочевники—киргизы въ своихъ зимовьяхъ. Обыкновенно европейскій человѣкъ, по пословицѣ, держитъ ноги въ теплѣ, а голову въ холодѣ, восточный человѣкъ—наоборотъ. Рѣзкій примѣръ этого можно увидать на волжскихъ пароходахъ, подъѣзжая къ Астрахани: здѣсь на палубахъ въ 3-мъ классѣ лежитъ иногда много спящихъ персовъ, съ закутанными въ халаты головами и почти съ босыми ногами,—разумѣется обычай этотъ антигигиеническій. Турки точно также всю зиму ноги обуваютъ очень легко и въ силу этого у нихъ существуетъ благочестивый обычай у богатыхъ—выставлять зимой для проходящихъ по улицамъ жаровни съ углями—„мангалы“. Прохожіе попеременно поднимаютъ свои ноги, грѣютъ и идутъ дальше, на что, со стороны, заѣзжему смотрѣть довольно забавно. Сарты ноги свои зимой одѣваютъ тоже плохо. Въ ихъ домахъ для зимняго времени имѣются, такъ называемые, „сандалы“ для согрѣванія ногъ, составляющіе причину частыхъ простудъ и кожныхъ сыпей вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ „сандала“ напр. къ уличному холоду. Нечего говорить, что способъ этотъ еще вреденъ своимъ утарнымъ воздухомъ. Вообще, подобные способы согрѣванія относятся къ разряду тѣхъ же вредныхъ, какъ, изрѣдка практикующіеся, грѣлки на желѣзныхъ дорогахъ, или жаровни у нашихъ торговцевъ подъ ихъ стульями.

Сознаніе сартами несовершенствъ своихъ жилищъ и сравненіе ихъ съ тѣми удобствами цивилизованной город-

ской жизни, которыя имѣютъ у себя, рядомъ живущіе, русскіе въ отношеніи отопленія, освѣщенія, свѣта, мебели, воздуха, распредѣленія комнатъ, ихъ украшенія, разнообразія и полноты питанія и т. д. — все это привело сартъ къ мнѣнію, выразившемуся почти въ ходячей поговоркѣ: „Всякій народъ на томъ свѣтѣ будетъ въ своемъ раю, а русскому не будетъ рая, потому что онъ на этомъ свѣтѣ живетъ въ раю.“

„Кишлакъ-Махао“ (проказный кварталъ). Теперь мы остановимся на нѣкоторыхъ частныхъ явленіяхъ, именно наблюдавшихся нами въ сартовской столицѣ — Ташкентѣ. Когда мы выбѣжали изъ него поздно ночью, то бросилась въ глаза въ одномъ изъ отдаленныхъ сартовскихъ кишлаковъ тѣнь, побрякивавшая въ бубны. Очевидно, это было желаніе привлечь вниманіе проѣзжихъ и получить милостыню. „Что это такое, ямщикъ? — „Это кишлакъ-Махао.“ — Кишлакъ этотъ — поселокъ или кварталъ, въ которомъ живутъ прокаженные. Онъ для меня уже былъ не новостью: любопытство раньше тянуло меня увидѣть его — и я посѣщалъ его съ городскимъ докторомъ (изъ Оренбургскихъ мусульманъ), который живетъ въ Ташкентѣ чуть не съ самаго завоеванія и пользуется между мусульманскимъ населеніемъ, большимъ авторитетомъ.

„Кишлакъ-Махао“ лежитъ очень далеко отъ центра города, отдѣленъ отъ остальныхъ частей города глинистыми ямами и мусорными кучами и представляетъ безпорядочную группу сартовскихъ домиковъ, при томъ очень бѣдныхъ. Арыки, сообщающіеся съ общей сѣтью арыковъ города, откуда пьютъ воду „Махаоны“, текутъ вяло, какъ-то застойно (въ одномъ мѣстѣ прямо образовалась зеленая болотина), и замѣчается кругомъ большая безжизненность зелени, чѣмъ въ другихъ, близкихъ къ Махао, мѣстностяхъ, состоящихъ преимущественно изъ садовъ и огородовъ. Застойность воды въ арыкахъ махаоновъ указываетъ на упадокъ ихъ хозяйства и трудовой дѣятельности. Огородовъ у нихъ невидно. Живутъ они нищенствомъ. Прежде ходили въ городъ цѣлой толпой, собирать подаяніе. А теперь потребовано отъ нихъ, чтобы ходили трое выборныхъ. Число всѣхъ страда-

ющихъ „Махао“ до 36; они живутъ вмѣстѣ и жалуются, что на это число трое не въ состояніи дѣлать достаточный для питанія всѣхъ, ежедневный сборъ. Народъ они, видимо, мирный, о воровствѣ или о чемъ-либо подобномъ не слышно. Составъ ихъ разнородный: мужчины и женщины, мѣстные жители и прибывшіе изъ степныхъ киблаковъ. На лицо, при посѣщеніи оказалось человѣкъ 10, остальные, вѣроятно, попрятались, по крайней мѣрѣ молодыя женщины показывались только издали. Язвенныхъ формъ страданія я не видалъ, а больше узловатыхъ и рубцовыхъ. Съ язвами, говорятъ, ходять по базару показывать ихъ и вызывать сердоболіе публики. Изъ наличнаго числа обратилъ наше вниманіе одинъ, ближайше вступившій въ бесѣды съ моимъ спутникомъ. Это былъ приземистый сартъ, съ длиннымъ, темноватымъ и узловатымъ лицомъ, съ приплюснутымъ, вслѣдствіе болѣзни, и утолщеннымъ носомъ (носы и при самомъ сильномъ пораженіи не приобретаютъ того обезображенія, какъ при сифилисѣ). Въ полости рта его, на твердомъ и мягкомъ небѣ, тоже разсѣяны были проказные узлы. Выдыхаемый имъ, воздухъ былъ кисло-вонючій, напоминающій сифилитическую озену. Онъ постоянно сморкался и, хотя не было жарко и невиднѣ было мухъ, постоянно махалъ впередъ себя платкомъ, что было весьма непріятно при близкой бесѣдѣ съ нимъ. Мнѣ, быть можетъ, справедливо пришла тогда непріятная мысль, что больной это дѣлаетъ съ умысломъ, имѣя желаніе передать свою заразу окружающимъ. О проказенныхъ дѣйствительно разсказываютъ, что они злы и мстительны, мстятъ обществу за свою отверженность, что они любятъ прикасаться къ людямъ, ищутъ цѣловать дѣтей и т. д., шпионствуютъ, зорко вслѣживаютъ вновь заболѣвшихъ, чтобъ сейчасъ же требовать ихъ въ свою злополучную колонію. Разумѣется, къ этому призываетъ ихъ и матеріальный расчетъ.

Затѣмъ я видѣлъ еще одного съ узлами на лицѣ, рукахъ и ногахъ, видѣлъ двухъ старухъ лѣтъ подлѣ 60, одна изъ нихъ больна уже, кажется, съ 20-го года жизни. Видѣлъ молодыхъ женщинъ, блѣдныхъ, весьма анемичныхъ, съ вывороченными вѣками и перекошенными ртами, вслѣд-

ствіе рубцового процесса. Сказанныя старухи, особенно одна изъ нихъ, представляли скрюченные, атрофированныя, верхнія конечности съ отпадшими, вслѣдствіе рубцованія, кистями. Одна нога, вмѣсто стопы, имѣла по той-же причинѣ, кулю и больная прыгала съ костылемъ на одной ногѣ. Болѣзнь идетъ годами и очень постепенно, начинаясь съ выпаденія всѣхъ волосъ.

Вообще, всѣ, видѣнные, субъекты оказывались истощенными, отчасти, вѣроятно, и отъ плохого питанія, съ членами, болѣе или менѣе атрофированными, съ жалобой на слабость силъ, изнеможеніе и невозможность работать. Ведутъ они семейную жизнь, но производительная способность отсутствуетъ: дѣтей въ этомъ кишлакѣ нѣтъ. А хотѣлось бы имѣть дѣтей,—безъ нихъ имъ скучно.

Что касается степени заразительности вообще и въ отношеніи русскихъ, то приводятъ, за все время существованія Ташкента въ русскихъ рукахъ, только одинъ примѣръ зараженія проказой одного офицера, вскорѣ послѣ завоеванія Ташкента. Больной этотъ уѣхалъ въ Петербургъ и, кажется, померъ въ клиникѣ. Съ тѣхъ поръ о зараженіи русскихъ не слышно. Не слышалъ я и изъ рассказовъ больныхъ случая очевиднаго, ярого перехода отъ одного субъекта въ другому. Зараза, какъ будто, переходитъ не отъ людей на людей, а съ какихъ-то предметовъ, если она самостоятелно не развивается. Такъ, прибывшіе вновь больные изъ степи вовсе не знаютъ, откуда они могли заразиться. Народъ, по видимому, не особенно считаетъ эту болѣзнь заразительною: рабочіе сарты для „Махасновъ“ и глину мѣсятъ, и дома строятъ, и нечистоты ихъ вывозятъ, и арыки имъ копаютъ, видимо, совсѣмъ безбоязненно. Конечно, и деньги отъ нихъ получаютъ за труды. Кромѣ того, кажется, нѣкоторые изъ прокаженныхъ дѣлаютъ изъ лучинокъ зубочистки и продаютъ ихъ на рынкѣ. Все-таки не слѣдовало-бы этого допускать, если это такъ.

По всѣмъ видимостямъ, современная проказа — во все не та, страшно заразительная, болѣзнь, о которой сохранились библейскія преданія. Очень вѣроятно, что тогда въ понятіяхъ людей смѣшивалось все во-едино: и проказа, и си-

фились, и даже другія болѣзни. Теперь-же, если бы проказа была заразительна, или очень заразительна, то въ такомъ большомъ населеніи, и только при мнимой изоляціи, давно бы болѣзнь распространилась въ массѣ случаевъ. А между тѣмъ этого нѣтъ. Такимъ образомъ, остается пожалѣть, что, не смотря на древность этой болѣзни, ничего больше не придумано, кромѣ плохого карантина. Болѣзнь эта отталкиваетъ своимъ безобразіемъ, а между тѣмъ она, вѣроятно, гораздо менѣе заразительна, чѣмъ сифилисъ, и чаше, разгуливающіе на свободѣ въ массѣ населенія и во все несостоящіе подъ такой тяжелой исторической, несправедливой опалой, какъ проказа. По всей справедливости и гуманности, слѣдовало-бы для этихъ больныхъ устроить отдѣльную богадѣльню съ больничкой. Для Ташкента, съ его громадной торговлей, это не было-бы раззорительно. А между тѣмъ контроль былъ бы несравненно энергичнѣе.

Ташкентская тюрьма и тюремная мусульманская чистоплотность вообще. Теперь нѣсколько словъ о Ташкентской тюрьмѣ. Это учрежденіе чуть-ли не единственное по своей оригинальности въ Россіи. По архитектурѣ представляетъ скорѣе, приличный довольно, замокъ съ башенками и съ изящными воротами, черезъ которыя видно внутреннее устройство двора, посреди котораго аллеями разсажены большія деревья, дающія хорошую тѣнь. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ крестьянинъ цѣлый вѣкъ готовъ сидѣть безъ растительныхъ украшеній. Не то сартъ, составляющій главное населеніе многолюдной Ташкентской тюрьмы. Безъ деревца для него жизнь становится совершенно невыносимой. При жаркомъ климатѣ тюремныя деревья распространяютъ свою тѣнь одинаково на злыхъ и благихъ, какъ свѣтитъ солнце для всѣхъ. Для администраціи и караула тѣнь тоже существенно необходима. Безъ тѣни тамъ нѣтъ и отдыха. Въ углубленіи двора есть прудокъ, огороженный мѣстными циновками, въ этомъ прудкѣ желающіе купаются и водою его совершаютъ свои религіозныя омовенія. Русскихъ арестантовъ тамъ почти не видно было. Были только еврей съ женой, судившіеся за атропинизированное пиво. Женщинъ было 2. Моральное состояніе заключенныхъ сартъ болѣе угнетенное, чѣмъ

обыкновенно это бывает у русских. Причина, понятно, въ болѣе-шей любви первыхъ къ вольной природѣ. Сарты, вѣдь, и живутъ на улицахъ. А тутъ заключеніе по ночамъ въ камерахъ, съ обычными „параши“!... Конечно, все это вдвойнѣ для нихъ тяжело, и отчаяніе одной сартовской семьи цвѣтущихъ здоровья и силъ, состоящей изъ отца со взрослыми сыновьями, судившейся, по-видимому, за родовую месть и отправляемой на каторгу, — для меня было вполне понятно. Весь ужасъ ея состоялъ въ предстоящемъ лишеніи благодатной теплоты южнаго солнца, прелестей бирюзоваго неба и роскошной многоцвѣтной зелени юга. Въмѣсто всего этого ждала ихъ въ суровой, новой, странѣ вѣрная, злая, чахотка, пожирающая у насъ почти всѣхъ южанъ въ ссылкѣ на сѣверъ и въ сѣверныхъ тюрьмахъ и каторгѣ.*) (Зная это, весьма бы полезно было руководиться вопросомъ о климатической приспособленности людей къ той или другой странѣ). Заключенные сарты производили впечатлѣніе большой гигиенической добропорядочности. Когда мнѣ былъ указанъ влозеть съ чистѣйшимъ поломъ, имѣющимъ небольшое специальное отверстіе, то я, войдя въ него, никакъ не могъ угадать значеніе комнаты и изумился той необычайной чистотѣ, которая поразительна по сравненію съ русскимъ неряшествомъ въ подобныхъ условіяхъ. Личная чистоплотность составляетъ уже, почти прирожденное, свойство мусульманъ. Изобиліе свѣжей воды около и свѣжаго воздуха открытых жилищъ ихъ часто идутъ на помощь контролю обонянія и зрѣнія. Я не хочу сказать, что они представляютъ образецъ чистоплотности, нѣтъ: они только слѣдятъ больше за личной, ближайшей чистоплотностью. А въ остальномъ такіе же неряхи, какъ и русскіе, вываливающіе всякій мусоръ на задахъ главныхъ улицъ, въ переулкахъ, какъ я это видѣлъ недалеко отъ штаба, въ переулкахъ близъ протекающей рѣчки. Въ силу желанія, ближайшей около себя, чистоты сарты скорѣе выбросятъ грязь или отбросъ на улицу, чѣмъ будутъ оставлять у себя. Для нечистоты они, какъ и турки, роютъ, много-саженные, круглыя ямы, въ которыхъ

*) Будущее арестантовъ — сартъ Ташкентской тюрьмы напомнило мнѣ, гибнущихъ отъ чахотки въ Тобольской тюрьмѣ массаи, несчастныхъ кавказскихъ „оглы“.

отбросъ падаетъ очень глубоко. По мѣрѣ надобности, ямы эти заваливаются. Подобная потребность въ чистотѣ окружающаго подмѣчена мною у киргизъ въ Семипалатинской тюрьмѣ, которые никакъ не желаютъ пользоваться клозетами, а ходятъ подъ открытое небо: „у насъ такой законъ“ — говорятъ они. И я понимаю, что они избѣгаютъ заражать воздухъ своего, и безъ того непригляднаго, жилья. Между тѣмъ, русскіе даже въ древности прославились сказочнымъ „фу, фу, фу, русскій духъ!“, привѣтствующимъ всякаго входящаго съ передня о крыльца и даже въ наше время, довольно вкисившіе отъ цивилизаціи, люди думаютъ, что отбросы въ обычныхъ мелкихъ ямахъ можно безнаказанно держать при домѣ цѣлыми мѣсяцами, а въ тюрьмахъ и больничныхъ арестантскихъ палатахъ у подневольныхъ людей держать въ жилищѣ помѣщеніи отвратительныя „параши“.

Въ камерахъ Ташкентской тюрьмы нѣтъ коекъ, а есть узенькія, на шарнирахъ, днемъ обязательно откидывающіяся къ стѣнамъ, скамьи, на которыхъ и спитъ каждый отдѣльно. Скамей для сидѣнья очень мало, сравнительно съ числомъ людей, да онѣ и слишкомъ узки (въ ладонь шириной), чтобъ можно было на нихъ посидѣть, какъ слѣдуетъ. Очевидно рассчитано, что восточные люди сидятъ преимущественно на полу. Но полъ довольно холодный и, быть можетъ, отъ этого на лицо было нѣсколько случаевъ ревматизма.

Молитвенные сеансы „Джагеръ“. Бывши въ Ташкентѣ, я, руководясь описаніемъ г. Пантусова въ его, печатающейся у насъ, статьѣ „О религіозныхъ сеансахъ ордена Джагріе — кадріе“, посѣтилъ съ моимъ почтеннымъ спутникомъ, которому я остаюсь весьма признателенъ, одну изъ мечетей людныхъ базарныхъ улицъ, гдѣ я увидалъ, если такъ выразиться, молитвенную гимнастику — „Джагеръ“, какъ мы ее называли. День былъ праздничный у мусульманъ и около часу дня мы подъѣхали къ небольшой калиткѣ, черезъ которую видна была во дворикѣ мечети масса стоящихъ и сидящихъ съ какими-то мрачными лицами. Какъ только мы проникли въ калитку, стали намъ слышны изъ мечети, съ одной стороны, постоянный пронзительный крикъ, а съ дру-

гой прерывающіеся возгласы многолюдной толпы съ примѣсью перемежающихся, сдавленныхъ вздоховъ и хриповъ. Слуховое впечатлѣніе для непривычнаго было болѣе, чѣмъ странное, довольно тяжелое. При вступленіи въ мрачную старую, законченную временемъ, мечеть, оказалось, что въ лѣвой ея сторонѣ, соотвѣтствующей нашему алтарю, стоялъ сгорбившійся, худой, длиннобородый, съ краснымъ лицомъ, старикъ, изъ всѣхъ силъ, пронзительно, выкрикивающій по книгѣ проповѣдь стараго Туркестанскаго проповѣдника („краснорѣчиваго, какъ Златоустъ“—говорилъ мой спутникъ), гремѣвшаго лѣтъ 300 назадъ. Проповѣдь, сколько можно было догадываться, состояла въ изложеніи потребности для правовѣрныхъ добрыхъ дѣлъ, въ виду ихъ грѣховности, въ описаніи этихъ грѣховъ и страданій подвижниковъ и паломниковъ. Читавшій старикъ не щадилъ ни голоса, ни декламации, ни жестовъ, состоящихъ преимущественно въ скорчиваніи всего туловища, причемъ голова съ книгой въ рукахъ чуть не до полу опускалась внизъ, затѣмъ туловище распрямлялось и, при новомъ крикѣ, попеременно руки съ книгой вытягивались впередъ и внизъ и т. д. Въ особенно рельефныхъ мѣстахъ, сидящіе по-восточному, слушатели, наполнявшіе всю мечеть, стонали, вскрикивали, качали головами, издавали особенный звукъ соболѣзнованія языкомъ и даже хрипло-истерически плакали. Въ концѣ-концовъ толпа, преимущественно изъ стариковъ, совсѣмъ казалась массой больныхъ, разстроенныхъ морально, людей: такъ дѣйствовала на нихъ проповѣдь и усердіе лектора. Только отдѣльно дисгармонія съ общимъ тономъ проскользнула въ дѣланныхъ выраженіяхъ лицъ нѣкоторыхъ присутствующихъ и въ протягиваніи къ слушателямъ руки лектора, послѣ самыхъ чувствительныхъ мѣстъ проповѣди, для полученія гонора изъ добродотной мѣдной монеты.

Когда кончилась проповѣдь, всталъ на ноги хоръ пѣвцовъ среднихъ лѣтъ, запѣвшихъ ритмическія кантаты. Старикъ присоединился къ этому хору и подвижнѣе прочихъ отмѣчалъ ритмъ движеніемъ туловища впередъ. Тогда же, изъ впереди сидящихъ, выдѣлилась группа, усѣвшаяся въ кругъ. Группа эта стала подбивать ритмическое окончаніе

стиховъ и двигаться, постепенно увеличивая поклонъ, подобно тому, какъ дѣлають въ Восточной Сибири нѣкоторые шаманы, стоя на ногахъ и приводя себя въ состояніе головокружительной экзальтаціи. Хоръ очень большой, постепенно усиливаль громкость пѣнія и быстроту темпа; пропорціонально этому, учащались и усиливались поклонныя движенія круга добровольныхъ подвижниковъ, между которыми видѣлись, рядомъ, отжившіе изсохшіе старики и толстые, мясистые, торгующіе сарты. Пѣніе еще болѣе убыстрялось, голосъ бывшаго лектора почти покрываль прочіе голоса — подчиняясь невольнымъ звуковымъ впечатлѣніямъ, возбужденный уже достаточно, кругъ еще больше убыстряль свои движенія, слышались уже въ немъ только отдѣльныя слова припѣвовъ, или просто отдѣльные звуки и придыхательныя хрипы. Въ глазахъ зрителей, съ непривычной быстротой, мелькали тюбетейки и падали ницъ къ землѣ туловища сидящихъ въ кругу. Остальная толпа, молча, полу-безучастно, смотрѣла на это занимательное упражненіе. Самъ хоръ предстоящихъ начиналь приходить въ состояніе возбужденія, что обнаруживалось въ начинающихся движеніяхъ самаго хора: тюбетейки и чаалы круга были сняты, лица все обливались потомъ, халаты были, какъ-будто, подъ проливнымъ дождемъ. Нѣкоторые въ качающемся кругу уже чувствовали упадокъ силъ и начинали путаться въ движеніяхъ, грудь неравномѣрно дышала, пѣніе давно прекратилось, слышались въ кругу только ритмическіе тяжелые выдохи, на нѣкоторыхъ лицахъ выступала мертвенная блѣдность. По мановенію высокаго старика, хоръ начиналь разрѣжать свой темпъ и ослаблять силу пѣнія въ большой постепенности. Нѣкоторые въ кругу еще раньше, въ безсиліи, остановили свои движенія и приводили въ порядокъ разстроенное дыханіе, сердцебіеніе, костюмъ; нѣкоторые, еще до окончанія сеанса, пришли въ истерическій плачь и стали умиленно обниматься съ своими сосѣдями. Одинъ старикъ, по видимому, психически тронувшійся, раньше кончилъ участіе въ общемъ хоровомъ движеніи и, войдя въ кругъ, на короточкахъ какъ-то изумленно прыгалъ вокругъ, то бросая туловище въ стороны, то останавливаясь по временамъ передъ нѣкоторыми участниками круга. Я

долженъ сказать, что движенія участниковъ круга были чрезвычайно энергичны, подъ конецъ совершались напоромъ всей наличной мышечной силы и нужно было удивляться привычкѣ и выносливости особенно потому, что это было въ жаркій августовскій день и продолжалось ровно $\frac{1}{2}$ часа. Всего болѣе для меня непонятна была расчитанность движеній нѣкоторыхъ, при всемъ ихъ азартѣ. Такое явленіе больше всѣхъ обнаруживалъ массивный, съ буйволиной шей, среднихъ лѣтъ, сартъ, производившій самые отчаянные размахи туловищемъ и особенно головой, разбрасываемой впередъ, назадъ и въ стороны, причемъ огромная голая голова двигалась, какъ самый, наисвободно-бросаемый, шаръ. Сзади его помѣщалась колонна; голова, отбрасываемая назадъ со всей силой, не достигала до колонны только на 2 миллиметра. Ударъ о колонну былъ бы самый тяжкій, оглушительный и, тѣмъ не менѣе, ни разу голова не коснулась стола.

Въ заключеніе этого скажу, что, благодаря замѣчательной выносливости, весь этотъ орденъ добровольцевъ въ короткое время пришелъ въ себя, какъ ни въ чемъ не бывало.

Замѣчательныя учрежденія въ Ташкентѣ. Теперь остановимся на явленіяхъ русской жизни тоже въ Ташкентѣ, возбуждающихъ лучшія, страдшія мысли. Къ числу симпатичныхъ явленій должно отнести: обставленные прекрасно, гигиенически обширныя гимназіи съ большими садами и цвѣтущимъ видомъ учениковъ; сюда же отнесемъ и учительскую семинарію, имѣющую лѣтнее помѣщеніе для учениковъ въ саду; лечебницу для проходящихъ женщинъ — сартянокъ по преимуществу, организованную руками женщинъ-врачей отъ города.

Ташкентскій военный госпиталь, за неимѣніемъ городской больницы, составляетъ общее лечебное учрежденіе для военныхъ и частныхъ, гражданскихъ лицъ. Обставленный двойнымъ комплектомъ врачей, по сравненію съ нашимъ Омскимъ госпиталемъ, находящимся съ нимъ въ одномъ классѣ, госпиталь этотъ имѣетъ, общее для всѣхъ, больныхъ, лѣтнее помѣщеніе съ бараками, версты за 3 за городомъ, съ садомъ и арыками, въ зданіяхъ бывшей хлопчатой фа-

брики, пожертвованной госпиталю. Зимнее помѣщеніе очень обширно, съ многими, правда старыми, зданіями. Аптека очень благоустроенная и очень большая, съ, присоединенной къ ней, химической лабораторіей для рѣшенія разныхъ медико-юридическихъ, токсикологическихъ вопросовъ въ краѣ. Между многими больными, расположенными въ баракахъ, и которыхъ осмотрѣть всѣхъ не хватило времени, выдающееся число падаетъ на истощенныхъ поносныхъ больныхъ—большое мѣсто края. Что касается сифилиса, то онъ замѣчательно ничтоженъ въ военномъ сословіи, благодаря климату и должному леченію. Другое дѣло въ населеніи, гдѣ при неадекватномъ леченіи, или даже вовсе, подѣ-часъ, безъ леченія, сифилисъ можетъ давать очень тяжелыя формы вопреки неблагоприятствующимъ ему климатическимъ даннымъ.

Въ Ташкентѣ имѣется замѣчательное учрежденіе, которому могъ бы позавидовать и университетскій городъ—я разумѣю прекрасную, самостоятельно существующую, обширную обсерваторію, построенную на возвышенности за городомъ.

Тутъ же производятся и разнородныя метеорологическія и почвенныя изслѣдованія и можно всегда желающимъ пользоваться весьма любезной готовностью служащаго персонала для полученія тѣхъ или другихъ нужныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ остается позавидовать, что въ, только что завоеванномъ, краѣ есть такое учрежденіе, которое еще неизвѣстно когда будетъ устроено въ Сибири—этой старшей, но нелюбимой дочери нашей метрополи.

Закончу совѣтомъ всякому, бывающему въ Ташкентѣ, осмотрѣть мѣстные музей и библіотеку, находящіяся въ одномъ обширномъ съ многочисленными отдѣленіями домѣ. Нашъ музей и наша библіотека при немъ—слабое подобіе. Библіотека Ташкентскаго музея чрезвычайно богатая, обильная фоліантами, въ числѣ которыхъ есть арабскія и персидскія сочиненія, латинскія сочиненія временъ XVI-го и XVII-го столѣтій, затѣмъ масса научной современной литературы.*) Словомъ, каталогъ книгъ богатѣйшій и я тутъ только увидалъ массу сочиненій по востоко-

*) Есть тамъ еще и частная библіотека съ читальней.

вѣдѣнію, частью мѣстныхъ авторовъ. Главный матеріалъ современной получаемой журналистики составляютъ книги и журналы по естествознанію и географіи. Медицины почти нѣтъ, что меня нѣсколько удивило, потому что въ потребителяхъ недостатка нѣтъ: Ташкентъ изобилуетъ врачебнымъ персоналомъ. Музей Ташкентскій роскошнѣйшій и по преимуществу состоитъ изъ памятниковъ сартовской старины и ихъ разнородныхъ, прежнихъ и теперешнихъ, издѣлій, разнообразіе которыхъ такъ велико, что трудно передать словами, а нужно видѣть на дѣлѣ. Довольно разнообразенъ также и геологическій матеріалъ; между мѣстными породами бросается въ глаза топазъ (одинъ кристаллъ (1) въ человѣческую голову). Между оружіемъ сартовскихъ независимыхъ старыхъ временъ не мало, чудовищныхъ размѣровъ, ружей—мултуковъ. Много шлемовъ, кобычугъ разныхъ, аппараты для приготовленія пуль и картечи, масса древнихъ и еще недавнихъ монетъ, множество древней и настоящей глинянной посуды, съ украшеніями, трубокъ, разнородныхъ украшеній, статуетокъ, продуктовъ и матеріаловъ по сельскому хозяйству, огородничеству и шелководству сартъ, съ многими образцами матерій и проч... Всего много, все поражаетъ разнообразіемъ и, не смотря на обширное помѣщеніе, путаешься въ тѣсной разстановкѣ предметовъ.

Вотъ сколько хорошаго въ этомъ богатомъ и счастливомъ городѣ, а будущее его еще лучше: ему неизбежно суждено быть, по всѣмъ наличнымъ даннымъ, университетскимъ городомъ, откуда, быть можетъ, взойдетъ заря свободы сартовской женщины, когда первая изъ нихъ торжественно вступитъ подъ своды будущаго научнаго святилища. Нравственныя оковы тысячелѣтій спадутъ и имя русскихъ благословятъ благодарныя поколѣнія степныхъ народностей.

